

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди

Виктория Токарева

Дома стоят дольше,
чем люди

Повести, рассказы и очерки

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43
Т51

Токарева В.

Т51 Дома стоят дольше, чем люди : Повести, рассказы и очерки. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 256 с.

ISBN 978-5-389-13568-0

«Иногда я думаю: что составляет мое счастье? Дети, профессия, дом... Трудно вычленишь, что важнее. Иногда кажется, на первом месте профессия. Я всю жизнь занималась тем, что мне нравится.

Но дети – это мое продолжение. Они понесут в будущее мой смех, мою трусость, мой разрез глаз. Как же без детей? Хочется любить что-то живое и теплое, целовать в мордочку, касаться губами».

В. Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-13568-0

© Токарева В. С., 2017

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

Издательство АЗБУКА®

времена года

повесть

Ее звали Анна Андреевна, как Ахматову. В молодости она называлась Анюта, в зрелости Аннушка, а в третьем возрасте стала Анна Андреевна.

Анна Андреевна всегда выглядела моложе своих лет, что свойственно блондинкам. Очень долго, практически всегда, нравилась мужчинам — всем и всяким, без исключения, что тоже свойственно блондинкам.

Первый ее мальчик был курсант в морской форме. Мечта, а не мальчик. Звали Гелий. Редкое имя, даже не имя, а элемент таблицы Менделеева. Познакомились в поезде. Анюта возвращалась домой после летних каникул. Ей было пятнадцать лет. Это — начало. Дальше покатило: шестнадцать, семнадцать, а в восемнадцать она уже вышла замуж. Не за Ге-

лия. За Димку, студента медицинского института. Димка похож на испанца — красавец, но дурак.

Анюта довольно быстро распознала, что он дурак, но было поздно. Уже все завертелось: свадьба, загс, гости, — пригласили его родителей из Киева. Приехала пара: Роза и Лева. Роза — настоящая еврейская красавица сорока пяти лет. Зеленые глаза вполлица, нарядная, сверкающая, как новогодняя елка. При этом — умная. Сдержанная, что странно. При такой красоте она могла распоясаться и позволить себе все, что угодно. И все бы сошло. Но нет. Спокойная, воспитанная, как английская леди.

Анюта жила с мамой и сестрой. Папа умер от ран, полученных на войне. «Мы не от старости умрем, — от старых ран умрем». Мама без образования. Денег — никаких. А тут свадьба. Стол накрыт, на столе — винегрет и треска в томате. Всё.

Роза и Лева в расходах не участвовали. Они вообще жили в другом городе и приехали непосредственно на свадьбу.

Увидели гостей, стол. Нависла пауза. После молчания Лева произнес:

— Какое счастье, что мы не позвали с собой Гуревичей.

А Роза грустно заключила:

— Нет денег.

времена года

И это правда. Только любовь. Димка любил Анюту самозабвенно, до потери себя. А молодой жене все время что-то не нравилось. Впереди ее ждала совершенно другая жизнь, мощная карьера, движение вперед и ввысь, и вот эта другая жизнь подавала сигналы издалека, тянула в другую реальность.

Анюта и Димка разошлись в конце концов. Но не сразу. Прожили год. Съездили в Киев в гости к родителям, Леве и Розе.

Лева был маленького роста и некрасивый. Но пел как Утесов. Один в один. Он работал в комиссионном магазине, делал свой тихий бизнес. Внешний статус не имел значения. Главное — внутренняя жизнь семьи. А в семье — бескрайняя любовь и служение друг другу.

Ходили по гостям. Один из принимающих, его звали Зяма, угощал куриной шейкой. Анюте не понравилось: шейка, набитая мукой, пропитанная куриным жиром. Что за радость? Но шейка — еврейский деликатес.

Анюта обратила внимание: еврейская кухня берет свои истоки из нищеты. Форшмак — рубленая сельдь. Что может быть дешевле? Цимес — тушеная морковь. Нищета, доведенная до совершенства. Фаршированная рыба — сложнопостановочное блюдо, на него уходит не менее шести часов. Но результат... Но запах...

виктория токарева

Запомнилась некая Рахиль. Ее муж сидел в тюрьме. Муж работал на овощной базе и с кем-то не поделился. И сел на пять лет. Рахиль стеснялась этого обстоятельства, жила при задернутых занавесках. Может быть, таким образом она пыталась разделить участь своего мужа. Так немцы в Берлине держали пост, когда армия Паулюса попала в Сталинградский котел. Солидарность.

Роза и Лева навещали Рахиль, возможно, поддерживали деньгами.

Анюта запомнила: они сидели тихо, за скудным столом, как заговорщики. Взаимоподдержка входит в религию. У евреев никто не бывает брошен на произвол судьбы.

Димка любил родителей страстно. А родители обожали своего сына и не понимали: что в нем может не нравиться? Красивый, преданный, что еще надо? Но Анюте он был не интересен. Скучный человек. Красивый, преданный и скучный, как равносторонний треугольник, у которого все стороны равны и углы тоже равны.

Они развелись. Это оказалось непросто. Души успели объединиться в одну, и раздирать общую душу на две части было больно. Анюта несколько раз падала в обморок. Это организм протестовал против развода, против разделения судеб. Но сигналы из будущего звали, даже требовали.

времена года

Если бы покорились обстоятельствам, осталась с Димкой, что бы ее ждало? Красивые дети, Димкины измены, ее романы, умеренное благосостояние: каракулевая шуба, бриллиантовое кольцо, телефонные разборки с его любовницами.

Хорошо? Не плохо, но бессмысленно. Никакого движения вперед и ввысь. Болото. «Тепло и сыро», как говорил Горький.

Анюта мечтала стать актрисой, сниматься в кино. Зачем? Тиражировать свой светлый образ. Пусть все увидят иотреагируют. Мужчины восхитятся и возжелают, а женщины позавидуют и станут подражать.

В те годы все подражали Лолите Торрес. Стриглись как она, прическа называлась «венчик мира».

Прошло тридцать лет, Лолиту Торрес показали в ее новом облике — толстая бабища, ничего от нее не осталось. Но... Она все успела. Главное — вовремя вскочить в свой вагон. Не пропустить и не опоздать.

Сняться в кино — это возможность заполнить аудиторию, охватить как можно больше народа.

Анюта протырилась на киностудию документальных фильмов и даже участвовала в кинопробе. Ей надо было изобразить подругу солдата-пограничника. Анюта изобра-

жала преданность изо всех сил, таращила и без того круглые глаза, но взяли не ее, а профессиональную актрису. Тем не менее режиссер этого опуса увязался проводить Анюту до дома.

В подъезде он был настроен целоваться. Старый протухший татарин с бледным, каким-то зеленым лицом, увядшими губами. Отврат. Но Анюта знала, что искусство требует жертв, и объявила: если режиссер возьмет ее сниматься, то она отдаст ему себя. Одноразово. Режиссер состроил благородную рожу, дескать, ну что вы, что вы, зачем такие дорогие подарки?

Отдаваться не пришлось, поскольку Анюту не утвердил худсовет. Взяли другую. И слава богу. Фильм про пограничников — это не «Возраст любви» с Лолитой Торрес. Никто бы и не заметил. А отдаваться пришлось бы, зажмурив глаза и зажав нос.

Следующий шаг: прослушивание в театральном институте.

Анюта пришла и стала читать монолог Шурочки из «Поединка» Куприна. Анюте очень нравилась эта героиня, которая шла на все ради достижения своей цели.

Анюта надела на голову шапку из рыси и не сняла ее во время прослушивания. Очень красивая шапка. Анюта была похожа в ней на шамана, только бубна не хватало.

времена года

Приемная комиссия отвергла Анюту. В комиссии было много женщин. Наверное, позавидовали шапке.

Так или иначе, пришлось поступать в медицинский институт. Там образовался какой-то блат, и Анята прошла со скрипом.

Мама Аняты решила отблагодарить женщину, которая способствовала поступлению, и пригласила ее отобедать. Анята почему-то запомнила: немолодая, предельно некрасивая тетка сидит за столом и ест торт наполеон, испеченный мамой. Тонкие коржи прослоены заварным кремом. Трудоемкий и очень вкусный торт. Коржи крошатся тетке на грудь.

Бедная мама. Как трудно ей было одной тянуть двух девочек. А с другой стороны — это и было наполнением ее жизни. Наполнением и смыслом.

Старшая сестра Ксения была откровенно некрасива, ленива и неповоротлива. Анята забрала, вычерпала всю красоту рода на несколько поколений вперед. Ксения завидовала и страдала, но при этом любила сестру нежно и преданно. Такой человек Ксения. Умела совместить в душе прямо противоположные чувства: зависть и любовь.

Главная красота Аняты заключалась в параметрах: ничего лишнего. Изысканная линия шеи и спины, линия талии и бедра. Каждому, кто смотрел, хотелось положить руку на ее

высокую шею, обнять изгиб талии. Анюта ма-нила. При этом некрашенная блондинка. Она забирала волосы в узел — так удобнее. Но когда надо было, вытаскивала заколку, и тяжелый водопад волос падал на плечи.

Крашенные волосы имеют единый оттенок. Однородная масса. А некрашенные волосы многоцветны. Верхний слой — платина, далее в глубине — орех фундук. Волосы переливаются, в них хочется запустить руку. И запускали. Анюта реагировала по-разному: смотря кто запускал и какую цель преследовал.

На первом курсе в нее влюбились три студента и три преподавателя, в том числе молодой профессор. Профессор был вполне гениальный, но игрок. Проигрывал все деньги, как Достоевский. Однако за ним охотились и студентки, и преподавательский состав. Гениальность — серьезный козырь. Гениальность манит, как запах крови манит акул. Они все устремляются на этот сигнал и сжирают жертву, растаскивают на куски.

Профессора звали Юрий Вениаминович. Юра. У профессора была семья: папа, мама, жена и маленький сын. А также сестра, брат и куча племянников. Анюта стала его аспиранткой.

Анюта оказалась способной, хотя могла быть любой. Юрий смотрел на нее не отрываясь, а что она говорит — не все ли равно?

времена года

Менять свою жизнь Юрий не собирался, да ему бы и не дали, семья бы не выпустила, но это не значило, что он не мог влюбиться.

Юрий был молодой, в расцвете сил. Его порок, игромания, — большое неудобство для семьи. Сколько бы денег ни приходило в семейный бюджет, все проигрывалось. Или почти все. Но... Рулетка крутится, нервы сжимаются в кулак, кровь горит, адреналинчик хлещет — жизнь! При этом Юрий был гениальный кардиохирург. Спасал людей одного за другим, а разве это не искупает его порока? Он проигрывает деньги, всего лишь бумагу, а выигрывает целую жизнь. Аня понимала: сколь тяжелые недостатки, столь тяжелые достоинства.

Больше всего на свете профессор любил своего десятилетнего сына, потом медицину, потом рулетку, потом себя, а уже на пятом месте он любил Анюту.

Когда он первый раз обнял ее, увидел небо в алмазах и сошел с ума. На какое-то время все отошло на задний план: семья, медицина, собственная персона. Осталась только страсть и лицо Анюты, ее тепло и ее запах. Он постоянно стремился быть рядом с Анютой, а когда кто-то приближался слишком близко, Юрий выставлял руку, чтобы этот кто-то не прикоснулся к ней физически, даже случайно.

Юрий боялся потерять Анюту и пообещал жениться на ней после защиты ее диссертации.

Это обещание — как скибка сена перед мордой осла. Скибка сена все отодвигалась, и осел шел вперед, перебирая ногами.

Сначала была кандидатская диссертация. Потом докторская. Юрий Вениаминович активно двигал ее карьеру, — это была плата за двойную жизнь, за его нерешительность, которая уже переходила в непорядочность.

Положение любовницы неуважимо и уязвимо. Прелюбодеяние — это грех, его надо скрывать. А сладкая парочка ничего не скрывала, крутила роман у всех на голове. Это был вызов обществу. И продвижение Анюты по карьерной лестнице — тоже вызов.

Анюта тем не менее принимала такую плату. Но в какой-то момент его помощь перестала быть необходимой. Анюта сама нащупала свою дорогу и пошла по ней, поднимаясь и карабкаясь, как альпинист.

Профессор не прятал Анюту и свои с ней отношения. Они везде появлялись вместе. Вместе ездили отдыхать. Так тянулось из года в год.

Картина вырисовывалась ясная: профессор будет тянуть эту резину до тех пор, пока Анюте не надоест. А когда надоест, когда она плюнет и уйдет, ее место займет другая. Их, других, накопилась целая очередь.

Все это видели, кроме Анюты. «Ведь от любви беды не ждешь», как пел Окуджава.

времена года

Анюта любила профессора, и доверяла ему безмерно, и не предполагала в нем коварства.

Однажды вся эта драматургия закончилась. Появилась новая аспирантка, рыжая как Суламифь.

Юрий Вениаминович бросил Анюту, стряхнул как варежку. И опять же у прохожих на виду. У Анюты было чувство, что ее поставили голую на всеобщее обозрение. Люди ходили кругами и рассматривали ее наготу: что у нее, где и как. И хихикали в кулак. И заступиться некому. Мать и сестра — что они могут? Страдать от семейного унижения, и больше ничего. А кто виноват? Сама и виновата. Зачем так долго верила?

Анюта умерла на неопределенное время, при этом продолжала ходить на работу. Она устроилась в закрытую больницу, объединенную с поликлиникой. Работала в стационаре и на приеме больных.

Медицинский мир тесен. Все всех знают.

Однажды Анюта заметила, как на нее смотрит терапевт Любовь Павловна — молча, внимательно, не отводя глаз. В ее взгляде читался вопрос: как ты? Как вылезает из своей могилы? Как это вообще бывает? Выжила или умерла?

Анюта и сама не знала: выжила она или умерла? Требовалось время.

Анюта с головой ушла в работу. Кардиология стремительно развивалась. Еще совсем

недавно люди пачками умирали от инфаркта. А сейчас можно было вскрыть грудину, пустить кровоток в обход и работать на открытом, молчащем сердце: менять клапан, обходить забитые сосуды. Дальше — больше. Стали оперировать на работающем сердце. Это важно. Остановленное сердце не всегда удавалось запустить. Риск. А теперь сердце не прерывает своей работы. Дальше — еще больше: изобрели стенты, которые армировали сосуды. Никакой операции. И все-таки стенты — не праздник. Со временем на них наматывается холестерин. Надо менять.

Анюта научилась подбирать лечение таким образом, чтобы избежать любого вмешательства. Правильно подобранная лекарственная терапия охраняла сосуды, обеспечивала доступ крови.

Человек — это биологическая машина, которую надо знать, понимать и чувствовать. Интуиция — главная составляющая хорошего врача. Марк Твен говорил: «Какой бы человек ни был — хорош или плох, или ни то ни се, все-таки он тварь Господня и на нем воля Божия». Вот эту волю Божию надо было угадать. И Анюта угадывала.

Когда человек входил в ее кабинет, она по походке, по цвету лица, по энергетике угадывала состояние его мотора, его волю к жизни либо отсутствие таковой.

времена года

Анюта вошла в моду как лучший диагност. К ней было не пробиться.

Успех бывает не только у артистов, у врачей тоже имеет место большой успех, который сопровождается материальным успехом.

Юрию Вениаминовичу уже можно было сказать: «Пошел прочь, болван» (Чехов).

Он и пошел, но не сразу. Постепенно. Кривая его жизни, как электрокардиограмма, резко устремилась вниз. А почему? Потому что он перестал играть. Он уже проиграл все, что мог. Дальше оставалось только ограбить банк. А это не просто. Это надо уметь.

Его глаза потухли. Жить стало неинтересно. И возле него тоже неинтересно. Исчезло то волшебство, которое Юрий распространял вокруг себя. И его скибка сена завяла и засохла и уже никому не была нужна.

Рыжая Суламифь крутила параллельные романы. Это было заметно и вопиюще, и унижало и без того опущенного Юрия Вениаминовича. При всем при том законная жена оставалась на законном месте, семья имела прежний рисунок.

Однажды Анюта встретила его в стационаре. Видимо, вызвали на консилиум. Ее сердце сделало кульбит, как цирковой артист под куполом. Все-таки она его любила. Привыкла любить. Захотелось сказать ему что-то ободряющее.

— Ты чувствуешь, что ты — гений? — польстила Аня.

— Нет, — спокойно ответил профессор. — Но когда я смотрю, как работают другие врачи, я понимаю, что я — хороший врач.

Аня внутренне согласилась. Вокруг нее в медицине было столько халтуры, недопустимого равнодушия, элементарной безграмотности, что, глядя на это серое поле, Аня осознавала: она — хороший врач. И Юрий Вениаминович врач милостию Божией. Аня захотела притянуть его лицо к себе и поцеловать в брови. Но это не страсть, как прежде, а прощание с покойником.

Она пришла в свой кабинет и стала плакать. Аня думала: он сильный, а на самом деле он — слабый. И не надо было ему подчиняться. Надо было его подчинять. А еще лучше — никогда не встречать. Это был плохой и бесполезный опыт: разбитые надежды, утраченные иллюзии, прилюдное унижение. При всем при том Аня точно знала: этот человек — ее судьба. Ее судьба, которая досталась не ей.

Всевышний не бывает абсолютно жесток. Отбирая, он предлагает что-то взамен.

В один прекрасный, а может, и не прекрасный день Аня ехала в метро. Напротив нее сидел мужик с умными глазами и смотрел на Аню не отрываясь. Как терапевт Любовь

времена года

Павловна. Но в его глазах не было глумливой наблюдательности. В его глазах стояла Судьба.

Анюта поднялась и вышла на нужной остановке. И мужик вышел следом. Анюта села в троллейбус, и мужик сел в этот же троллейбус.

Анюта сошла где надо и направилась к своему дому. Не оборачиваясь, она слышала, что человек идет следом, буквально преследует. А вдруг маньяк? А вдруг хочет снять шубу? Перед своим подъездом Анюта оглянулась и спросила:

— Вы куда?

— Домой, — ответил человек. — Я здесь живу.

Он жил в соседнем подъезде, они никогда не встречались. А может, и встречались, но внутри каждого из них стояла другая программа. Однако судьба, как говорится, она и за печкой найдет.

Через три месяца Анюта вышла замуж за своего соседа. А чего ждать? Надо успеть родить. И родила. Мальчика.

Боже, какое это счастье! Она навсегда, на всю жизнь запомнила ребенка, сидящего на ее руке с прямой спиночкой. Сидит ровненько и не отрываясь смотрит в Анютино лицо своими большими, как блюдца, прозрачными глазами.

Какая жаркая и всеобъемлющая эта материнская любовь. Никакого сравнения с дру-

виктория токарева

гими любовями. Там — страсть, а тут — нежность. Страсть — это физиология, а нежность — от Бога.

Мальчика назвали Яков. Муж так захотел. Получилось Яков Семенович Тучкевич. Неплохо.

Мужа звали Семен, сокращенно Сема. Но за ним еще со студенческих времен закрепилось прозвище Тучка, производное от фамилии. И уже никто не помнил настоящего имени. Тучка — и все.

У Семена было одно неудобное качество: взрывной. Когда начинал орать, не мог остановиться, хоть бери да затыкай ему рот кухонным полотенцем.

Но было и хорошее: мужская нежность. Он так умел любить... Возле него так сладко было засыпать и спать всю ночь. Накрывал глубокий покой и уверенность в завтрашнем дне, и больше ничего не надо. Сема спал, развалившись на обе сдвинутые кровати. Анюте оставался маленький островок, но она удобно размещалась, ей хватало места. Казалось, что спит у медведя под мышкой, — так тепло и ничего не страшно. Медведь защитит, разорвет всех обидчиков на части или распугает своим криком.

Анюта, случалось, тосковала по своему профессору, но это была тоска по инерции. Ее судьба давно уже катила по другим рельсам и в другую сторону.

времена года

Тучка — технарь, закончил Институт стали и сплавов. Что он там сплавлял — какая разница? Он куда-то уходил, где-то работал, Анюта не вдавалась в подробности. У нее свои маршруты.

Наступила перестройка. Частные клиники выросли как грибы после дождя, но Анюта их обходила. В этих частных клиниках половина врачей с купленными дипломами.

Анюта ездила по городам и весям, читала лекции, консультировала. Зарабатывала. Она уже давно перестала считать деньги и никогда не знала, сколько у нее в кошельке. Покупала все, на что падал ее взгляд. Понравилось — и в продуктовую тележку, независимо от цены.

Перестройка перестроила и Семена. Его потянуло в строительный бизнес. Ему это нравилось. У него получалось. Видимо, строительство было его истинным призванием. И в самом деле: архитектор начертил дом, снабженец привез материалы, бригада засушила рукава и — вперед, к сияющим вершинам. Через год дом стоит. Именно такой, как на чертеже. И даже лучше. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Расстояние от замысла до воплощения — год. А в инженерном деле замысел не предполагает скорого воплощения. Стоишь за кульманом, чертишь, а что чертишь? кому? зачем?

Первую строительную бригаду Тучка собрал из хохлов. Оказались ленивые и вороватые. Разбавил армянами. Оказались хитрые и вороватые. Привлек таджиков. Тупые. Не знают языка. Не понимают или делают вид, что не понимают. Русские — пьют. Нет мира под оливами. И все же во всех национальностях попадаются настоящие рабочие — рукастые, ответственные, любящие свое дело. Тучка отбирал таких специалистов поштучно и в конце концов сколотил бригаду, которой доверял полностью. Бригада состояла из виртуозов, как оркестр Спивакова. Каждый — незаменим.

Работали под музыку. Приносили японский транзистор, врубали «Наутилус Помпилиус» или Высоцкого и пускались в трудовой день, как в плавание. Наблюдать за ними было очень интересно. Хотелось сидеть и смотреть. Чужой красивый труд завораживал.

Тучка был счастлив как никогда прежде. Он вообще любил жизнь: хорошую еду, хороший секс, осмысленный труд, хорошие деньги — не большие, а именно хорошие, заработанные честным красивым трудом. Ну и большие деньги он тоже любил, само собой.

Тучка стал получать выгодные заказы. Делал хороший откат. Все были довольны, — и заказчики и исполнители.

Семен оказался ловким, результативным бизнесменом. Стал вращаться в нужных кру-

времена года

гах, а именно: успешные политики и успешные воры в законе. Это было время сращивания власти с криминалом. Гуляй, рванина, от рубля и выше.

Анюта прекрасно вписывалась в новое общество. Она была умная и привлекательная. А что еще надо? Анюта хорошо разбиралась в людях, поскольку через нее проходили целые колонны обреченных людей, между жизнью и смертью. Анюта протягивала им руку помощи. И спасала. И они плакали от благодарности и преданности.

Анюта безошибочно подсказывала Семе: с кем стоит иметь дело, а кого избегать.

Мальчик Яша рос, и Анюте было жаль, что он растет и меняется. Хотелось, чтобы навсегда остался маленьким. Но Яша не остался маленьким. Он вырос и достиг призывного возраста. От армии пришлось откупаться. Тогда все имело свою цену. Пользуясь связями, Сема отправил сына в Америку по обмену. Была такая мода: американцев — к нам, а наших — к ним.

Яша вначале скучал на чужбине, жаловался, ныл, а потом привык. Влюбился. И женился в конце концов на девушке с именем Шерилин. Анюта ходила и повторяла: «Шерилин, Шерилин». Имя щекотало язык. Анюта рассматривала фотографию своей невестки. В ней

не было ничего сексуального: коровий взгляд, скучные одежды, открытый лоб, как у вдовы. Да, у Семена вкус получше, чем у Якова.

Анюта надеялась: может быть, невестка временная. Первая попытка. А дальше будет вторая — более удачная. Но дальше Шерилин забеременела и родила девочку. Назвали Дженна. Анюта вздохнула. Никакой любви к новым родственникам она не испытывала. Да и какая любовь, если никогда не видела живьем и вся жизнь врозь.

Если бы Анюта вела праздный образ жизни, если бы ей нечего было делать, то присутствие родственников необходимо. Близкие люди делают тебя звеном в общей цепи, без которого цепь развалится. Но Анюта была занята по горло. Врач занят не только в течение рабочего дня, многие лечатся по телефону. Телефон звонит беспрерывно, будто замкнуло контакты. Вопросы, вопросы, уточнения: во сколько принимать таблетки, в какой последовательности, чем запивать, можно ли совмещать с мочегонным, не выводится ли калий из организма и так далее и тому подобное. Все стали образованные, не хотят лечиться вслепую.

В восемь часов вечера Анюта отключала телефон и усаживалась перед телевизором. Смотрела два канала: «Культура» и «Совершенно секретно». С возрастом ее больше интересовали документальные ленты. Сериалы про лю-

времена года

бовь смотреть не хотелось. То, что придумала жизнь, гораздо интереснее убогих человеческих вымыслов.

Старость подошла на мягких лапах неслышно и незаметно. Анюта не сразу поняла, что это старость. Ее просто накрыло одеялом равнодушия. Все стало неинтересно.

Пациенты приглашали в театр на премьеры. Ехать в пробках, потом сидеть два часа на спектакле в жестком кресле, болит спина. Герой на сцене не может разобраться: любит — не любит, плюнет — поцелует. Вся эта любовь — не что иное, как приманка природы. Природе нужно продолжение рода. Новый человек. Беременной и рожай. Все просто. Но человек пригласил литературу, музыку, живопись, все виды искусства, чтобы приукрасить приманку. Сколько хлопот вокруг такого простого дела, как совокупление. Надо учиться у кошек и собак. Никаких проблем. Никаких тебе серенад под окнами. Все быстро и на тему.

У Анюты сохранились подруги с молодых лет. Отношения не старели. Все то же самое, что в молодости: зависть, соперничество, разборки, кто что сказал? Со стороны послушать — девятиклассницы. А посмотреть — старые дуры, уставшие дети.

виктория токарева

С возрастом у Анюты высыпались волосы на макушке, приходилось следить за лысиной. Появился загривок. Откуда взялся? Гормональное нарушение.

Линии сгладились: шея — короче, талия — шире. Но неизменной осталась профессиональная память. Мозги работали остро, как прежде. Никакого Паркинсона, никакого Альцгеймера. И осталось стремление наряжаться. Все самое модное, самое дорогое и современное.

У Анны Андреевны всегда был превосходный вкус, и, когда она появлялась на людях, никому не приходило в голову: бабка. Нет. Дама, остроумная, веселая, злая. Но при этом добрая.

Тучка практически не изменился. Слегка отощал. Дел по горло. Без дела он не мог ни минуты.

К пенсионному возрасту Тучка подошел вполне упакованным: живые деньги в банке, апартаменты в Турции с собственным бассейном, коттедж в Подмосковье. Архитектура — барская усадьба: центральная часть и два крыла по бокам. Колонны как у Большого театра. В правом крыле — родители, в левом — дети. На тот случай, если приедут из Америки. Середина общая. В углу усадьбы дом для прислуги.

времена года

Анна Андреевна любила свою дачу. Тишина. Красота. Впереди маячила счастливая старость. Старость — тоже довольно длинный кусок. Его желательно прожить хорошо, в обнимку с покоем и достатком. Анна Андреевна осознавала два жизненных просчета: не выучила английский язык, без которого вылезли большие ограничения, и не научилась водить машину, зависела от мужа.

Тучка бесился, так как зависимость жены напрямую ограничивала его свободу. Тучка был занят, и его шофер тоже имел свои нагрузки. Все кончилось тем, что Анна Андреевна стала вызывать такси. К ней приезжали машины из ближайшего таксопарка. За рулем, как правило, мусульмане — азербайджанцы, таджики и узбеки. Один узбек был с золотыми зубами, не знал русского языка, практически мычал. Это утомляло.

Грузин Георгий говорил хорошо, но брал дорого. Цены формировал по своему усмотрению. Он решил: бабка старая, ничего не сообщает, денег — жопой ешь. А зачем ей деньги, все равно одной ногой в могиле. Но Георгий ошибался. Анна Андреевна умела считать деньги и не любила наглых. Каждый человек должен получать по труду, а не по аппетиту.

Третий шофер — русский, Колька. У него никогда не было наличных денег, и это его угнетало. Он постоянно находился в депрес-

содержание

повести

времена года	5
дома стоят дольше, чем люди	82

рассказы

по кочану	199
был такой случай	214

очерки

откровенность свободного человека	225
моя страна	230
обыкновенный гений	244
за что я люблю олега митяева	249

Литературно-художественное издание

токарева
виктория самойловна
ДОМА СТОЯТ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛЮДИ

Редактор Д. Гурьянов
Художественный редактор О. Кириллова
Корректоры О. Левина, Т. Дмитриева
Технический редактор Л. Сеницына
Компьютерная верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки использовано фото
© Shanti Shanti/shutterstock.com
Фото на задней стороне обложки из личного архива автора

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «Азбука»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. №1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 01.08.2018.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Original Garamond»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,48
Доп. тираж 3000 экз. В-ТIG-21752-04-R. Заказ № .

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №2 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru